

Оригинальная статья / Original article

Роль Й. Басанавичюса в формировании литовского национализма

© Е.В. КИЛИМНИК

Килимник Евгений Витальевич, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), kilimnik_06@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2949-465X

На основе культурно-философского подхода исследовано формирование идеологии литовского национализма во второй половине XIX – начале XX вв. Теоретико-методическим фундаментом исследования стал анализ публицистической и общественной деятельности «отца литовского народа» Йонаса Басанавичюса. Поставлена задача выявить основные этнические несоответствия и культурно-исторические противоречия в созданной Й. Басанавичюсом идейной концепции происхождения литовского языка и национальной самоидентификации литовцев. Установлено, что Йонас Басанавичюс искусственно сформировал литовскую национальную идентичность, которая не находит документально-исторического подтверждения. Определено, что его идеология заключалась в противодействии российской национальной политике и поддержке создания независимого государственного образования – Литвы.

Ключевые слова: Йонас Басанавичюс, культура, язык, идеология, ценности, этнонационализм, нация, политика, Литва, Россия

Цитирование: Килимник Е.В. (2023) Роль Й. Басанавичюса в формировании литовского национализма // Общественные науки и современность. № 2. С. 39–55. DOI: 10.31857/S086904992302003X, EDN: CEDFWV.

The Role of J. Basanavičius in the Making of Lithuanian Nationalism

© E. V. KILIMNIK

Evgeniy V. Kilimnik, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia), kilimnik_06@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2949-465X

Abstract. Based on the cultural-philosophical approach, the shaping of the ideology of Lithuanian nationalism in the second half of the 19th – early 20th centuries are examined. The theoretical and methodological foundation of the study consists of the analysis of journalistic and social activities of the “father of the Lithuanian people” Jonas Basanavičius. The task is set to identify the main ethnic inconsistencies and cultural and historical contradictions in the ideological concept of the origin of the Lithuanian language and Lithuanian national self-identification theory created by J. Basanavičius. It is revealed that in his ideological and nationalist works J. Basanavičius artificially formed the Lithuanian national identity, which does not have documentary and historical confirmation. The purpose of J. Basanavičius’ work was to counteract Russian national policy, as well as to create an independent state entity – Lithuania.

Keywords: Jonas Basanavičius, culture, language, ideology, values, ethno-nationalism, nation, politics, Lithuania, Russia

Citation: Kilimnik E.V. (2023) The Role of J. Basanavičius in the Making of Lithuanian Nationalism. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 39–55. DOI: 10.31857/S086904992302003X, EDN: CEDFWV.

Исследуя историю возникновения идеологии литовского национализма, необходимо остановиться на причинах его генезиса. Во второй половине XIX в. политический ландшафт Восточной Европы начал меняться в результате социальных волнений в Польско-Литовско-Белорусском регионе. Местные интеллектуалы и политические деятели, недовольные ассимиляционной политикой Российской империи, начали искать способы обрести национальную независимость. Процесс ее идейной актуализации начинался в этот период и шел достаточно медленно, так как его ограничивало законодательство Российской империи, направленное против нарушения целостности государства. В то же время росту национального самосознания литовцев сопутствовал ряд исторических событий в Прибалтийском регионе. Во-первых, в 1863 г. регулярные войска Российской империи подавили польское национальное восстание, ставившее целью восстановление независимости, величия и былой славы Речи Посполитой в границах 1772 г. «od morza do morza» («от моря до моря»). Александр II был вынужден отойти от своих либеральных взглядов и радикально изменить основы государственной политики в национальных политически нестабильных частях империи. Новая имперская стратегия предусматривала превентивное подавление национальных движений, которые угрожали порядку и самой имперской системе национальных движений [Капеллер 2000, 182–203]. Кроме того, в своей политике Российская империя традиционно играла на национальных, сословных и религиозных противоречиях, чтобы вносить раскол между этноконфессиональными группами и народностями, которые были подвластны империи. Примером подобного межэтнического многовекового латентного конфликта могут служить взаимоотношения между западно-украинцами и поляками, кульминацией которых стала Волынская резня 1943–1944 гг.

Жесткая имперская политика подавления этнонационализма была характерна и для других государств Европы на определенных этапах своего существования – Австро-Венгрии Габсбургов, Пруссии Гогенцоллернов или Османской империи [Миллер 2008, 33]. «Шляхетский гонор» польской аристократии отчасти перенимала и литовская знать, язык и обычаи которой с XV по XVIII в. были во многом польскими. Кроме того, росту этнического самосознания сопутствовала память о могуществе Великого княжества Литовского, соперничество которого с Московским государством часто перерастало в кровопролитные войны.

Во-вторых, в середине – второй половине XIX в. ускорился экономический рост в регионе. Российская империя, в том числе и литовские области, перешла к новой экономической формации – капитализму. В результате социально-экономического развития улучшилось техническое оснащение крупных литовских городов, в частности, появился телеграф, по всему течению Немана наладили пароходное сообщение. Уже в 1860–1870 гг. в литовских землях построили железнодорожные пути сообщений, которые вели из Санкт-Петербурга в Варшаву. В конце XIX в. была проложена железная дорога к Кенигсбергу, которая проходила через Ковно и Либаву (Лиепая). В 1860 гг. в Литве была установлена телефонная и телеграфная система коммуникаций. Чтобы улучшить свое экономическое положение, литовцы массово переселялись в Санкт-Петербург, Ригу, Одессу. Миграция стала наиболее заметной с конца 60-х гг. XIX в. Тогда десятки тысяч уехали в Соединенные Штаты Америки (207 тыс.), где начали появляться этнические типографии с профильными изданиями, национальные общества, а также христианско-демократические и социалистические организации. Одновременно литовские эмигранты активно переводили средства на покинутую ими малую родину и участвовали в политических мероприятиях, протестуя против притеснений по национальному признаку в России [Эйдинтас 2015, 135]. В результате во второй половине XIX – начала XX вв. одной из консолидирующих основ в формирующемся национально-буржуазном литовском социуме стала капиталистическая трансформация, которую сопровождали рост националистических настроений, миграционные процессы в новых экономических условиях и критика российской действительности из-за рубежа.

В-третьих, следует отметить влияние в литовском обществе Римско-католической церкви, которая активно противилась стремлению российского самодержавия «оправославить» литовцев (с конца XVIII в.), хотя внешне и сохраняла политическую лояльность к Российской империи и ее властям [Beresnevičius 2004]. Однако литовские ксендзы старались напоминать прихожанам о былом могуществе Великого княжества Литовского. Этнонациональная политика сопротивления привела к тому, что католические священники после Второй мировой войны часто поддерживали вооруженный сепаратизм литовских «Лесных братьев» в их борьбе с представителями уже Советской Литвы, благословляя паству на вооруженное противостояние безбожной, инокультурной [Lietuvių... 1934, 20] и инациональной власти [Поцюс 2009, 134]. Традиционализм настолько велик в литовском обществе, что и сегодня 94% жителей Литвы по-прежнему формально идентифицируют себя с религиозной общиной, а 77% – с Римско-католической церковью, о чем свидетельствуют данные переписи населения Литвы 2011 г. [Gailienė 2018].

Российское правление в Литве оспаривали разными методами. Например, ряд газет и издательских групп, начиная с третьей четверти XIX в., предоставили возможности для публикаций авторских заметок и статей националистического профиля. Они дали оппозиционно-настроенным лицам возможность распространять антироссийскую литературу среди широкой местной аудитории. Некоторые литовские историки и писатели начали переосмысливать историю своего края и интерпретировать исторические факты таким

образом, чтобы создать и поддерживать новые националистические идеи. Изначально из-за запрета печати на местных языках в этих обсуждениях обычно использовали русский. Активисты сначала оспаривали право публиковаться на других языках, затем боролись за включение национального языка в дошкольное местное образование. В результате подобные культурные сообщества в регионах Восточной Европы постепенно стали лингвистически обособленными. Соответственно, изменилось и направление дискурса обретения независимости. Первые национальные политики, которые провозгласили независимость от Российской империи и основали первое независимое литовское государство в начале 20-х гг. XX в., объясняли свою нацию и язык в терминах, принципиально отличных от языка их предков – подданных Речи Посполитой и Российской империи. Национальные группы из прибалтийских регионов Восточной Европы больше не стремились к культурной автономии в рамках существующей государственной системы – они искали новую независимую идейную форму.

Анализируя вторую половину XIX в., некоторые местные исследователи преимущественно обращают внимание на политические и социальные аспекты проблемы формирования литовской идентичности. Изменение роли национального языка они часто представляют эпифеноменом культурной трансформации, спровоцированным политическими движениями и проблемами формирования любой национальной идеи. Однако такая позиция принижает символическое значение языка в построении групповой идентичности. Именно он во многих смыслах выступает самым податливым символическим фактором националистических движений.

Соответственно, необходимо рассмотреть значение языка для литовского националистического движения в период со второй половины XIX в. до создания Литовской Республики в 1918 г. Особое внимание в анализе формирования националистической идеологии будет уделено работам «отца литовского народа» Йонаса Басанавичюса, которые он написал в период запрета на использование литовского языка в официальной печати Российской империи.

Деятельность Йонаса Басанавичюса стала объектом исследования потому, что он лично участвовал в каждом этапе формирования государственной независимости Литвы в 1918 г. – с философско-идеологического осмысления национальной идентичности до переговоров о создании независимого государства.

Важно отметить, что язык играет более сложную роль в национальной идентичности, чем представлено в исследованиях национализма. Например, он повлиял на трансформацию Литвы из разрозненных поселений малочисленных средневековых балтийских племен в современное градообразующее состояние. Также важно отметить, что в контексте национализма идея уникальности языка может быть реальной или воспринимаемой. В ситуации, когда представитель малой нации считает, что его язык неповторим, и приписывает своей речевой группе уникальные особенности, он начинает действовать в этом направлении, пропагандируя свою этническую уникальность.

Теоретические основы идеологии литовского национализма

Язык – одна из многих составляющих общей идеи национализма. Литовские националисты начали с языкового вопроса, а в итоге стали пропагандировать идею выхода из Российской империи. Соответственно, его влияние следует рассматривать как часть общей доктрины формирования национализма, а не изолированно.

Данное исследование рассматривает формирование литовского национализма и национальной идентичности. Соответственно, в первую очередь необходимо определить, что

подразумевается под «нацией» и ее истоками. В своей основополагающей работе 1991 г. «Воображаемые сообщества: размышления о происхождении и распространении национализма» британский социолог Б. Андерсон описал нацию как политическое сообщество одновременно воображаемое, ограниченное и суверенное [Anderson 1991, 7–10]. Он рассматривает нацию как социум, даже малый, все члены которого могут знать (или даже слышать) о каждом другом члене. Все представители понимают, что вместе они составляют «горизонтальное товарищество», принадлежность к которому одинаково ощущают все его члены.

В свою очередь, британский социальный антрополог Э. Геллнер отмечает: «национализм – это не пробуждение нации к самосознанию: он сам изобретает нации» [Цит. по: Савельева, Полетаев 2006, 22]. Б. Андерсон утверждает, что нация ограничена набором конечных границ (не только территориальных, но и культурных), которые отделяют «Самость» от «Другого» [Anderson 1991]. Кроме того, националисты не пытаются расширить представления о национальной принадлежности граждан своей страны до членов всего общества, как религиозные фундаменталисты; скорее, границы нации установлены и признаны членами этого сообщества. Наконец, нация выступает сувереном в том смысле, что ее члены обладают юридическими полномочиями. Андерсон связывает происхождение такого суверенитета с отделением церкви от государства в период Просвещения. Духовенство больше не имело власти оценивать новые законы как адекватные с точки зрения церкви или неадекватно отражающие религиозный диктат. Возникла идея, что нет более высокой власти, чем наделенная ею нация.

В основе концепции нации также лежит принципиально определенное понимание социального времени. Католическая церковь в Литве понимала его как некую синтезированную божественным промыслом единовременность, в рамках которой прошлое и будущее существуют одновременно (на уровне сознания) в мгновенном настоящем. Община, понимаемая в первую очередь через ее религиозную принадлежность, существовала в настоящий момент на пути между прошлым и будущим. Однако со временем возникли концепции линейного, параллельного, циклического и социального времени. Центральное место в развитии понимания времени занимает культурное и интеллектуальное влияние идей гуманизма.

По мнению американского мыслителя Д. Баркера, нация – это некая сущность, которая, по сути, в первую очередь озабочена своей самоидентификацией через сформированный в прошлом исторический образ. Он представляет уникальное этническое и территориальное объединение, которое пронесит свои родовые черты из прошлого в настоящее и будущее. Это важно для понимания, поскольку политическое самовыражение было необходимым сопутствующим структурным элементом культурного сознания¹. Американский политолог У. Коннор предполагал, что политическая воля людей, которые определяют себя как нацию, неразрывно связана с осознанием культурного бытия народа [Conversi 2002, 1–2].

Литовский национализм следует понимать скорее как нерациональную философию, чем иррациональную. Национальные акторы и члены националистических сообществ создают воображаемую историю, которая часто не отражает исторические факты, чтобы обратиться к нерациональным мотивам. Они пытаются переписать историю своей страны в таком осмыслении, которое оправдывает их политические цели. Национал-интеллек-

¹ Washington Journal. David Barker on One Nation, Two Realities. C-SPAN. MAY 31, 2019. (<https://www.c-span.org/video/?2461161-4/washington-journal-david-barker-discusses-book-one-nation-realities>).

туал, который мыслит нерационально, не воспринимает существенное различие между собственно историческим фактом и восприятием этого факта.

Преобразование протонации в нацию зависит от самих сторонников этой идеи. Наличие определенной географической «родины» значительно усиливает привязанность отдельного индивидуума к воображаемому сообществу. Однако сообществу необходимо иметь свою территорию, чтобы быть нацией с политической властью надстройкой. В таких условиях представители этнонациональных меньшинств меньше привязаны к государству, чем члены доминирующей группы. Приоритеты, которые национальные лидеры выбирают в качестве определяющих для своей страны, способны либо приспособлять, либо отчуждать индивида. Язык же можно считать одной из национальных характеристик, которая не требует принятия какого-либо набора национальных идеалов. Владеющий им человек способен просто присоединиться к структурному большинству населения. В случае с литовской территорией язык сыграл решающую роль в охвате всего населения при построении доктрины национальной самоидентификации в конце XIX – первой трети XX вв.

Роль языка в публицистике, направленной на создание нации

Чтобы понять, как появляется национальная идентичность, а также ее особые качества, следует рассмотреть процессы, с помощью которых этнокультурную идентичность предлагают политикам и пропагандируют в обществе, которое впоследствии принимает ее как абсолютную истину. Литература оказалась наиболее важным средством передачи национальных настроений в условиях, когда националистические идеи литовской исключительности формировались сначала в составе Российской империи, а затем СССР.

Причиной успеха этнолингвистического национализма в Литве стала память о периоде истории этого региона, когда он именовался Великим княжеством Литовским. Оно объединяло все средневековые литовские племена, а также включало в себя русские княжества от Балтики до Черного моря.

Как говорилось ранее, движущей силой националистических движений выступают общинные воспоминания о воображаемом прошлом. Осмысливая не до конца ясное историческое наследие, нация начинает определять себя в своем современном контексте. Изучая развитие национализма, прежде всего необходимо понять прошлое, которое националистически ориентированные политики и интеллектуалы представляют обществу как обоснование своим действиям.

Романтические представления об историческом прошлом Литвы воплощались в отсылках к средневековому Великому Княжеству Литовскому и его значимой (по мнению литовских мыслителей) роли в составе Речи Посполитой. Для литовских националистов XIX–XX вв. эти исторические сущности стали символизировать автономию и самоопределение, в котором, по их мнению, им отказали как подданным Российской империи и гражданам СССР в дальнейшем.

В рамках данной националистической философии следует рассматривать ранние публикации главного идеолога литовского национализма Й. Басанавичюса. Он известен как «отец национального возрождения Литвы», «отец литовского народа» и как первый литовский автор-националист, получивший широкую аудиторию. Он был самым влиятельным участником дискурса о литовской национальной идентичности. Популярность Басанавичюса получил уже в конце XIX в. благодаря публикациям в издаваемом в Германии журнале «Aušra» – самом распространенном издании на литовском языке на латинице (в период запрета в Российской империи печати на литовском языке латинским шрифтом).

Археологи немного знают о людях, которые до середины XII в. населяли территорию современной Литвы. Однако сохранились исторические записи, в частности, датчан и русинов, которые часто совершали набеги на эти территории и требовали дань с населявших их племен. Упоминаются литовские племена, платившие дань Киевской Руси в X и XI вв., но в хрониках не указаны специфические культурно-исторические характеристики людей, которые населяли эти территории до обращения местных князей в христианство.

Националисты XIX в. редко ссылались на этот исторический период в своих работах, предпочитая называть дохристианские литовские племена просто «древними» [Baronas 2010, 27]. Однако исторические данные становятся более полными с периода коронации короля Миндаугаса, который объединил многочисленные литовские племена и стал первым Великим князем Литовским.

Данный период стал идеальной отправной точкой для создания национальных мифов по ряду разных причин [Baronas 2010, 27]. Во-первых, Миндаугас был первым великим князем Литовским, который объединил разрозненные балтийские племена региона в одну политическую общность. Он создал единство там, где раньше существовали только слабо структурированные, временные племенные союзы.

Во-вторых, Миндаугас был христианином, которого после коронации в 1253 г. официально поддержал и признал Папа Иннокентий IV. Взамен Миндаугас и объединенные литовские племена участвовали в серии крестовых походов против татар. Данные кампании не были особо выдающимися в военном плане, однако они имели культурное значение, доказав желание Литвы принадлежать к христианскому, западноевропейскому миру. Й. Басанавичюс в своих работах ставил особый акцент на этой идее. Хорошие отношения между литовскими племенами и христианским миром просуществовали недолго. После убийства Миндаугаса соперничество за власть между языческими князьями привело к роспуску созданного им политического объединения. Вслед за смертью короля литово-балтийские племена снова стали раздробленной массой, пока в середине XIV в. их вновь не объединил Великий князь Ягайло.

Последний не был христианином по рождению, однако быстро осознал всю ценность и выгоду обращения в католическую веру. Столкнувшись с перспективой конфликта с сильными армиями тевтонских рыцарей, Ягайло перешел в христианский мир через брак с представительницей польской королевской семьи принцессой Ядвигой в 1385 г. Тогда Великое княжество Литовское и Королевство Польша объединились впервые за свою историю. Обеспечив политическую стабильность благодаря союзу с Польшей, литовские правители стали уделять больше времени законотворчеству. Именно в этот период обретает приоритет литовский язык как инструмент управления государством. Его роль усилилась по сравнению с повсеместно распространенным славянским. Ранее его использовало не только простонародье, но и княжеский двор (в том числе во всех королевских указах) с церковью. Литовский язык в те времена тоже существовал. Националисты во второй половине XIX – первой четверти XX вв. заявляли, что он был предшественником современного литовского языка. Однако на самом деле он представлял собой не самый значимый диалект русинского.

Несмотря на повышение роли собственно литовского языка, в системе управления на всей территории Великого княжества продолжали употреблять славянский язык. К середине XV в. королевский двор в своей деятельности заменил его на польский. Тем не менее, к образованию единой Речи Посполитой в 1569 г. многие официальные правительственные документы писали на канцелярском славянском языке или переводили на него. Соответственно, он сохранял значимость в системе управления Литовским княжеством.

В результате в период пребывания в составе Речи Посполитой не появились никакие собственно литовские национальные письменные материалы вплоть до начала XIX в. Соответственно, у литовских националистов фактически отсутствовала доказательная база, которая могла бы подтвердить их утверждения о существовании особого исторического этнокультурного мира в северо-западной части Восточной Европы, который возник уже в XV в. Литовскую культуру того периода полностью поглотили престижный в русино-литовском обществе польский язык, польские обычаи и традиции, которые вытеснили все национальное литовское. Только после окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 г. литовский язык вновь начали употреблять на региональном сельском уровне, поскольку государственный русский язык конкурировал с польским во всех административных учреждениях Литовского княжества – а также в области культуры, особенно среди представителей высшего общества [Zinkevičius 1987, 86–88].

Независимо от реальной истории Великого княжества Литовского или роли славянского языка в делопроизводстве, сам факт существования этого государственного образования в составе Речи Посполитой дал литовским националистическим лидерам материал для построения нарратива о национальной преемственности, которая начинается с периода Средневековья. Позже Й. Басанавичюс перенял эту трансформированную историю и присоединил ее к созданному им современному литовскому языку – в том числе для того, чтобы провоцировать националистическое противостояние литовского населения и Российской империи.

Рассматривая вопросы искусственного развития литовского национализма, необходимо также изучить политику, которую Россия проводила на территории Литвы в период своего правления, наступившего после третьего раздела Польши в 1795 г.

Внутреннюю политику Российской империи в 1863 г. в целом можно охарактеризовать, как достаточно мягкую в соответствии со стандартами тех времен. Россия контролировала большое количество этнических и религиозных групп, находившихся под ее властью [История Литовской ССР... 1978, 653–656]. Изначально в своей внутренней политике она не была склонна к насильственному насаждению религиозной однородности. Православие, безусловно, было предпочтительной религией, однако приверженцев других религий не наказывали и не подвергали гонениям. В России существовала значительная мусульманская диаспора, которая традиционно проживала в Нижнем Поволжье, лютеранство было распространено в прибалтийских губерниях. В обоих случаях имперское правительство не дискриминировало население и не пыталось обратить его в православную веру. Кроме того, Российская империя часто предоставляла завоеванным и присоединенным народам определенную степень свободы в виде местного самоуправления. Например, в рамках империи существовало полуавтономное католическое Польское герцогство, которое включало территории современной Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Толерантная властная позиция резко изменилась с началом национального восстания в январе 1863 г. Большое количество участников национального восстания были литовцами, в то же время многие из бунтовавших служили ранее в императорской армии и считались лояльными подданными. Российские власти немедленно начали ограничивать привилегии этнических меньшинств, чтобы уменьшить вероятность нового бунта или антиправительственных заговоров между потенциальными союзниками. Ориентируясь на национальную позицию литовцев, российское правительство запретило печать изданий на литовском языке на неопределенный срок, фактически тем ограничив публикацию любых националистических материалов. В результате внезапной смены курса правительства России возник определенный раскол между имперской администрацией и подданными империи. В дальнейшем его

использовали националистические авторы, которые сознательно нарушали запрет на подобную печать.

На большей части современной Литвы проживало преимущественно не собственно литовское население. Так, литовцы исторически жили в основном на малонаселенных участках лесов, которые располагались вдоль берегов Балтийского моря, на западной окраине всей территории бывшего Литовского княжества. Данный исторический факт повлиял на литовский национализм и национальную историю. Исходя из националистической убежденности и собственной интерпретации национальной истории, литовские националисты в первую очередь предъявляли претензии к наиболее крупным городским центрам – Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс). Они стремились присоединить их к своей исторической территории. Однако эти города нельзя было считать этнически литовскими, так как в них большая часть их населения принадлежала к другим народностям. Этнические литовцы не составляли большинство населения Вильнюса даже в 1897 г., когда издательство «Аушра» выпустило первые публикации Й. Басанавичюса [История Литовской ССР... 1978, 686–688].

Также литовским националистам приходилось бороться с политической структурой управления, установленной Российской империей. Изначально она пыталась снизить этнополитическую напряженность на этнически разнообразной территории, разделяя национальные группы на отдельные провинции. Так, территория преимущественно литовской Ковенской губернии не включала в себя сам Вильнюс: она была ограничена малонаселенной территорией на севере и западе. Даже присоединение Ковно (Каунаса) к Ковенской губернии не обошлось без сопротивления со стороны местных поляков, которые жили в этом городе, однако были мало представлены в сельской местности, расположенной на юге города.

Утверждение о численном превосходстве литовского населения на этом пространстве, которое могло лечь в основу пронационалистической идеологии, не соответствовало реальности. Й. Басанавичюсу пришлось сосредоточиться на менее доказательных аргументах для национальных претензий. Национальный литовский язык «решил проблему», став для националистов этнополитическим эталоном и основой литовской идентичности, а Вильно (Вильнюс) – идеальным центром для данного языкового сообщества. Соответственно, литовские националисты стали отрицать значимость доминирующей плотности коренного населения на определенной местности и обосновывать аргументами о языке свои политические притязания на Вильнюс и Каунас как на государственные литовские культурно-политические центры. Следует отметить, что в обоих городах лишь меньшинство жителей владело литовским языком как родным. Статус меньшинства повысил значимость национального населения в соперничестве за контроль над всей территорией по сравнению с другими этносами – например, с поляками, которые сперва не учитывали возможность законной этнической конкуренции в Литве. Отсутствие литовского этнического большинства в крупных городских центрах на территории бывшего княжества затрудняло организацию политического движения за права литовцев. В то же время некоторые польские и российские политические деятели учитывали возможность беспорядков на националистической почве на севере и западе бывшего княжества, которые могли достичь Вильно и Ковно (Вильнюса и Каунаса). Сложившаяся ситуация дала Й. Басанавичюсу и его сторонникам определенную степень анонимности, чтобы планировать и организовывать националистическое движение в период запрета печати на литовском языке: российские власти строго контролировали городские районы, но мало внимания уделяли сельским территориям и их жителям. Среди них Й. Басанавичюс и сеял семена литовского национализма; эти слои населения в итоге бросили вызов российскому административному контролю над Вильно (Вильнюсом) в первом десятилетии XX в.

Формирование литовской национальной идентичности

В рамках противодействия российскому правлению Й. Басанавичюс в своих пронационалистических трудах формировал новый облик литовского народа и искусственно создавал литовскую национальную идентичность. Глубину его влияния на формирование литовского националистического сознания отразил литовский ученый-археолог Й. Пузинас в день смерти Й. Басанавичюса в 1927 г.: «его работа была настолько всеобъемлющей, что невозможно полностью охватить все аспекты его продуктивной жизни. Именно Басанавичюс возродил сознание литовского народа, основал первую газету на литовском языке в издательстве “Аушра” (Aušra), в которой публиковался, и выступал за самоопределение Литвы» [Puzinas 1977]. Эта цитата описывает всю идейно-националистическую деятельность Й. Басанавичюса по формированию искусственной литовской исключительности и некоего «литовского национал-культурного мира». До него литовская аристократия и интеллигенция не задумывались о своей национальной идентичности, считая себя скорее частью польского культурного пространства со столицей в Варшаве, чем некоего собственного сообщества из провинциального Ковно или Вильно, к которому они никогда ментально и не принадлежали. Аристократические круги заимствовали язык, одежду, архитектуру, религию, титулы, гербы, манеры и сам образ поведения у польской шляхты с середины XV в. и пронесли это ценностное восприятие сквозь века.

В своей политической деятельности Й. Басанавичюс связал националистическую идеологию с древней культурой литовских племен раннего Средневековья. Так, литовец из своей эпохи он воспринимал как этнокультурных наследников строителей курганов прошлого. Й. Басанавичюс говорил, что «вместе с рассказами о крестоносцах эпохи князя Миндаугаса курганы очаровывали меня с самых ранних дней. Рядом с местечком Озкабаляй, на Пилякальняйских полях у села стоит красивый курган. С юных лет я стал посещать этот большой и очень красивый холм, задумчивый, в образе невыразимой красоты и умиротворения, стоящий на берегу реки Аиста. В юности я слышал сказки о заколдованной красоте Девы, заключенной в кургане. Позже я познакомился с курганом Паевонис, еще позже с городищем Каупишкис, недалеко от границы с Пруссией, а также с курганами в Рудамине, Лакинай и другими. Именно на этих холмах, я могу с уверенностью утверждать, мое литовское сознание было разбужено и утверждено» [Basanavičius 1883a].

В отсутствие конкретных исторических свидетельств и доказательной аргументации Й. Басанавичюс самостоятельно конструировал литовскую национальную идентичность, условно называя «древними литовцами» соединение балтийских этнических народностей, которые преимущественно придерживались языческой веры и были связаны с определением «литовские» лишь относительно. Любые подобные утверждения предполагают общественное признание, основанное на исчерпывающей системе доказательств, которую Й. Басанавичюс не мог сформировать. Исследуя фольклорные традиции местного крестьянства, он пришел к выводу, что именно они представляют нацию в наиболее чистом виде и могут считаться ее ядром.

В 1882 г. историческая ситуация представила Й. Басанавичюсу первую реальную возможность распространить свое националистическое видение роли литовского народа. Так, свои националистические концепции он публикует в первом издании «Аушры». Его работа включала смесь националистических эссе, сборник литовского фольклора и поэзии. «Аушру» печатали в Германии, после чего номера подпольно переправляла в Литву группа лиц, которая впоследствии стала известна как «книжные контрабандисты».

Й. Басанавичюс поставил перед собой цель «возродить» национальное сознание литовского народа и определил литовский язык как объединяющую силу в этом процессе,

а сеть «книжных контрабандистов» позволила ему оперативно распространить свои идеи на территории Литвы. Первое издание «Аушры» включало в себя нумерованный список «вековых чаяний литовского народа», составленный Басанавичюсом:

«1. На протяжении веков наша нация подвергалась таким насмешкам, гонению и порабощению, что можно только удивляться тому, что она существует до сих пор.

2. В былые времена литовцы населяли территорию, вдвое превышающую нынешнюю; сегодня Литва это всего лишь тень древнего государства. Мы должны вернуть наши территории.

3. Сегодня просвещенные люди, знакомые с нашей жизнью и ее невзгодами, единодушно заявляют, что соседи, под игом которых живет наш народ, полны решимости, что, если не сегодня, то через год-два мы стали бы немцами или славянами. Мы не должны допустить этого, оставив нашу кровь чистой.

4. Мы такие же хорошие люди, как и наши соседи, и хотим пользоваться всеми правами, дарованными всему человечеству, равно, как наши соседи, ищущие их для себя.

5. Среди этих прав первым будет право литовцев в Литве получать все, а также обучение и образование исключительно в литовских школах.

6. Сегодня мы ясно видим, что школы с иностранным языком обычно превращают литовцев в иностранцев для Литвы. Они не нужны нам.

7. Мы сами должны заниматься своими делами и управлением страной.

8. То, что нам не предлагают школы, мы должны обеспечивать сами.

9. Нашей основной задачей будет информирование других литовцев о событиях древнего мира, временах и делах наших благородных предков, чьи дела и любовь к нашей любимой родине мы забыли. В результате, мы сами теперь не знаем, чьих родителей дети мы и внуки.

10. Если каждый хороший сын уважает своих родителей и родителей своих родителей, то и мы, современные литовцы, должны последовать хорошему примеру древних сынов литовских времен.

11. Следовательно, мы должны сначала узнать их древний образ жизни, их природу, их древние верования, их дела, их заботы.

12. Понимая их жизнь, мы лучше поймем их, а разобравшись с этим, мы поймем себя» [*Basanavičius* 1883a].

Этот перечень идейных задач важен по ряду причин. Прежде всего, поставлена задача создать национальное государство Литва. В процессе достижения данной цели требуется создать независимое национальное управление. Данные задачи вытекают из утверждений Й. Басанавичюса о лишении коренного народа власти и его характеристики как социума, незаконно лишенного своего законного права на историческую территорию. Также Й. Басанавичюс указывает на «элемент чуда», который позволил нации выжить в эпоху «насмешек и порабощений», что придает некую религиозную легитимность требованиям в ее националистическом видении. По словам Й. Басанавичюса, «литовский народ пережил попытки лишить его собственности и уничтожить его, поэтому он должен был выживать. Он вправе искать восстановление того, что исторически всегда принадлежало ему, т. е. независимости».

Таким образом, Й. Басанавичюс взывает к элементу самосознания литовцев, который Б. Андерсон называет центральным для понимания роли нации в формировании ее идентичности: «нация – это как суверен, облеченный почти религиозным почтением и святостью» [*Anderson* 1991, 7–10]. Далее, Й. Басанавичюс выделяет присутствие чуждого этнонационального элемента («немцев и славян»), который нужно использовать как маркер для обособления уникальной литовской идентичности. Однако, как утверждали

позже сами литовские националисты, их регион в действительности был этнически и лингвистически разнообразным. Й. Басанавичюс и его сторонники стремились дифференцировать литовцев от их соседей до такой степени, чтобы отличие от других наций стало значительным аргументом в пользу политического обособления. Выделение немцев и славян как противников литовской нации также усилило нарратив лишения собственности и создавало ощущение всеобъемлющей опасности из-за угрозы того, что «истинных литовцев» окружают территориально и поглотят. Согласно этому восприятию, «хрупкая и забытая» литовская нация столкнулась с угрозами своему существованию со всех сторон, поскольку немцы пытались заявлять политические права на литовские земли с запада, поляки с юга, а русские – с востока. Как отмечал исследователь Т. Хопф в своем анализе советской национальной идентичности в середине XX в., такое концептуальное противопоставление другим, недружественным этносам необходимо для установления национального чувства собственного «Я» [Hopf 2002, 23].

Во многих своих выступлениях Й. Басанавичюс оправдывает свои притязания на исключительность Литвы и литовцев, указывая на их историческое прошлое, которое началось якобы уже с периода Античности. Однако исторические документы не раскрывают культурные характеристики местного населения, существовавшего на территории, которая сейчас является Литовской республикой. Сам Й. Басанавичюс никогда не давал четкого определения «древнему» литовскому обществу, наследником которого он считал современное общество.

Аргументы Й. Басанавичюса имели существенное идеологическое значение для литовских националистов – несмотря на почти полное отсутствие в них исторических доказательств. Для тех, кто уже идентифицировал себя как «литовских националистов», принцип преемственности и связь с прошлым оправдывали их веру в уникальность литовского этносоциума и его право на политическое выражение в границах «великой Литвы» (которая в том числе включала в себя и современную Калининградскую область Российской Федерации). Для тех литовцев, которых националисты пытались убедить присоединиться к движению по возрождению государства, концепция Басанавичюса придавала некую легитимность националистической кампании за политическую автономию и далее – независимость. Историческая достоверность концепции Й. Басанавичюса не имела никакого значения. Нерациональной привлекательности его концепции было вполне достаточно, чтобы побудить энергичные группы населения к активным политическим действиям.

В пунктах с третьего по шестой из своего списка Й. Басанавичюс прямо связывает возрождение литовского языка с выживанием нации. Он утверждает, что попытки обучать литовских детей не на родном языке представляют собой преднамеренное стирание истинной литовской идентичности. По его мнению, сам факт того, что они вырастут без влияния литовского языка, может превратить будущее поколение литовцев в немцев или славян. Соответственно, литовцы должны иметь возможность учить свою молодежь исключительно в узкопрофильных школах.

Й. Басанавичюс считал, что коренная национальность должна быть привязана к литовскому языку, так как язык – это единственная конкретная деталь, описывающая современный характер народа.

На том этапе, как показывали данные переписи населения, было мало причин полагать, что идентифицирующие себя как этнические литовцы граждане имели законные права на все спорные территории, в населении которых преобладали другие этнические группы (в частности, белорусы). Более того, собственно литовское население было «разбросано» по разным регионам и не было объединено между собой каким-либо значимым

образом. Сделав язык основным признаком принадлежности к коренной нации, литовские националисты смогли преодолеть географические разрывы между изолированными, локальными этническими сообществами литовцев. Помимо прочего, такой подход позволил значительно увеличить потенциальную территорию самой Литвы.

Представляет особый интерес тот факт, что Й. Басанавичюс также успешно интегрировал все имевшиеся на территории бывшего княжества Литовского разнородные речевые сообщества и диалекты, придав им форму стандартизированного литовского языка. Таким способом он превратил все проживавшие в Балтийском регионе малые языковые народности в коренных литовцев. Подобная всеобщая национальная унификация была первой в своем роде в Европе. Ранее в Балтийском регионе существовали три основных диалекта, которые он сгруппировал под общим названием «литовский»: аукштайтянский, жемайтийский и жемогальский языки. Также в эту категорию попал ряд диалектов национальных меньшинств, на которых говорили в Восточной Пруссии. Последнюю «отец литовского народа» провозгласил «Малой Литвой» [*Basanavičius* 1883b].

Публикация и распространение «Аушры» преодолели естественный этнический разрыв между малыми национальными сообществами. Все разноязыкое речевое сообщество в Литве признали этнически единым – несмотря на его лингвистическое разнообразие и территориальную разобщенность проживавших в этом регионе малых народностей. Й. Басанавичюс в своих работах избегает разжигания разногласий внутри литовской народности, не отдавая предпочтения ни одному диалекту перед другим. Его версия единого современного литовского языка включала в себя синтаксические элементы аукштайтянского, жемайтийского и всех прочих местных диалектов малых народностей. В нем сохранялась также устаревшая лексика древнего литовского диалекта. В результате получился новый, искусственно образованный литовский язык. Таким образом, националистические идеи Й. Басанавичюса по созданию литовского языка удовлетворяли большинство его апологетов-почитателей. Кроме того, их привлекали идеи Й. Басанавичюса, который предлагал связать создание общего литовского языка для всех литовских и нелитовских малых народностей с воображаемым историческим прошлым, сохранив устаревший этнически разобщенный словарный запас и включив его в новый современный литовский язык.

Первоначально стратегия была направлена на то, чтобы обеспечить литовским националистам определенное положение в соперничестве за политическую власть в Вильно (Вильнюсе) – как в социальном, так и в политическом смысле. Также в обществе стали набирать популярность националистические идеи о том, что все сельские общины и фермерские хозяйства, которые расположены в провинциях изолированно, должны считаться оплотами литовского этноса. Следует отметить, что доля этнических литовцев в общей численности городского населения была незначительной и быстро сокращалась. Так, в Вильно с XV в. литовский не был государственным языком. В городе царило лингвистическое разнообразие: «треть от всеобщей языковой численности горожан составлял идиш; далее с той же пропорцией шел язык улиц, церковей и школ, который был польским, а языком городской окраины был белорусский» [*История Литовской ССР...* 1978, 690–691].

Примечательно, что ни в одном из своих произведений Й. Басанавичюс не говорит прямо, что литовский язык имеет значение для этнической идентичности только в том случае, если человек употребляет его в качестве основного базового и родного языка. Он представляет язык, как некий «сосуд» общенационального: любой человек в регионе, который способен выучить его, может быть членом литовской общины, то есть считается уже вполне литовцем. В результате для Й. Басанавичюса и его сторонников-националистов «люди в Вильнюсе и его окрестностях, которые с детства были поляками или белорусами, стали литовцами, которые только случайно и по необходимости говорили

по-польски или по-белорусски. Соответственно, при правильных политических обстоятельствах этнографическая Литва могла бы значительно расшириться территориально в своих границах» [*Basanavičius* 1883c]. По сравнению с другими концепциями национальных идентичностей, с которыми состязались литовские националисты (доктрины польских и белорусских националистов), литовская модель была, безусловно, самой гибкой, хитроумной и широко применимой.

Через призму групповой идентичности Й. Басанавичюс формирует этническое мифотворчество через эссенциалистскую характеристику литовского языка и его связь со Средневековьем и античным прошлым. В реальности «литовский» был не единым языком, а скорее общим термином для обозначения широкого собрания различных диалектов в районах Прибалтики, которые не всегда были взаимно понятны самим их носителям. Фактически, разработка стандартизированной формы литовского языка зародилась на основе идей другого националиста-языковеда – Йонаса Яблонскиса (*Jonas Jablonskis*). Формируя усредненный стандарт литовской языковой формы, он решил объединить западный аукштатский диалект – на нем говорили жители юго-западной части страны – в т. ч. и сам Й. Басанавичюс – с элементами прусского языка в связи с тем, что они оба поддерживали более архаичные фонетические схемы.

Заключение

Стратегия Й. Басанавичюса оказалась успешной и мобильной. За двадцать лет после первой публикации в «Аушре» были созданы достаточные предпосылки для формирования литовской общности и поддержки последующих действий литовского Сейма. Последний, находясь под прямым воздействием литовских националистов, в 1918 г. принял Акт о независимости от России.

Подводя итоги формирования идейных постулатов литовского национализма, следует отметить, что с первой публикации Й. Басанавичюса в «Аушре» в 1883 г. и до начала XX в. литовский национализм значительно трансформировался. Несмотря на то что читательская аудитория «Аушры» росла медленно (хотя и последовательно), в итоге этим публикациям удалось добиться стремления общества создать литовское политическое представительство со своей национальной властью. На протяжении этого периода Йонас Басанавичюс писал и редактировал журнал с националистическими публикациями, в котором обсуждались вопросы литовской идентичности, а также работал над созданием оппозиции российской государственной системе управления.

В результате уже к началу XX в. последовательные усилия Й. Басанавичюса привели к значительному росту политических амбиций у представителей литовской общности. Его избрали председателем Великого Вильнюсского Сейма в 1905 г. На этом съезде лидеры литовских националистов намеревались обсудить, как добиться автономного правления и обеспечить политический контроль над Вильно – будущей столицей независимого литовского государства. Первый съезд не дал значительных результатов, однако литовские националисты впервые собрались официально и выразили свои политические намерения.

Растущее политическое единство литовской общности вынудило руководство Российской империи отказаться от запрета печати на национальном языке за год до созыва Сейма. Власти боялись спровоцировать новое восстание, подобное волнениям 1863 г. Таким образом, сочинения Й. Басанавичюса стали основой не только искусственного создания литовской идентичности, что сумела заинтересовать достаточно широкую литовскую аудиторию. Его идеи привнесли уверенность в политическом успехе литовской нации, а также позволили организационно связать ее представителей, содействовав успешному

противостоянию российской имперской политической стратегии, которая ограничивала рост национального самосознания литовцев.

После отмены запрета на литовскую прессу к Й. Басанавичюсу присоединились другие пронационалистически настроенные авторы. В результате в печати постоянно стала фигурировать мысль о создании независимого Литовского государства. Литовские националисты смогли использовать идею идентичности для политического влияния на общество – несмотря на то, что в своем регионе литовцы оставались в социальном меньшинстве по сравнению с народами немецкой и славянской коренной национальности. В конечном итоге национал-идеологическая деятельность Й. Басанавичюса по формированию и внедрению концепции литовской нации в 1918 г. привела к созданию независимой Литовской республики – первого в истории суверенного Литовского государства [Strods 1996, 421].

До того, как Й. Басанавичюс внес свой вклад в развитие национального самосознания, литовская общность представляла собой небольшую разрозненную этническую группу. При этом собственно этнические литовцы были самым малочисленным этническим образованием в Балтийском регионе в середине XIX в. Их окружали представители более многочисленных и доминантных культур, им не хватало единой национальной идеологии, вокруг которой они могли бы сплотиться, чтобы иметь политическое влияние в обществе. Что более важно, до Й. Басанавичюса у литовцев отсутствовала национальная самооценка, в которой они и не особо нуждались. Создание искусственно объединенного национального этноса, вооруженного идеологией, стало главным вкладом Й. Басанавичюса в создание литовского националистического движения практически на пустом месте. Он был единственным публицистом, который осознал объединяющую силу общего языка – пусть он и был создан искусственно. Й. Басанавичюс первым предложил сформировать общую национальную идентичность для разноэтнического сообщества, проживавшего на берегах Балтии, а также искусственно расширить литовскую популяцию, чтобы преодолеть территориальные барьеры. Таким образом, к началу XX в. возникла идеология литовского национализма, которая опиралась на вымыслы, подтасовку фактов и политические устремления, а не на реальную историю литовского народа, его язык и его культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

История Литовской ССР: с древнейших времен до наших дней (1978) Ред.: Б. Вайткавичюс и др. Вильнюс: Мокслас. 676 с.

Капеллер А. (2000) Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция. 344 С.

Миллер А.И. (2008) Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение. 246 с.

Поцюс М. (2009) Обратная сторона луны: борьба литовских партизан против сотрудничества в 1944–1953 гг. Вильнюс: Издательство ЛИИ. 426 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. (2006) Национальная история и национализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». № 2. С. 18–30.

Эйдинтас А. и др (2013) История Литвы. Vilnius: Eugrimas. 318 с.

Anderson B. (1991) Imagined Communities. Reflections On the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 224 p.

Baronas D. (2010) Pilėnai ir Margiris: istorija ir legenda. Vilnius: Vilniaus dailes akademijos leidykla. 633 p.

Basanavičius J. (1883a) Osenowės Lietuwos piles // Auszra. No. 1. Pp. 15–18.

Basanavičius J. (1883b) Osenowės Lietuwos piles // Auszra. No. 3. Pp. 60–64.

- Basanavičius J. (1883c) Osenowės Lietuwos piles // *Auszra*. No. 4. Pp. 97–102.
- Beresnevičius G. (2004) *Lietuvių Religija ir mitologija: sisteminė studija*. Vilnius: Tyto alba. 291 p.
- Conversi D. (2002) *Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connors Work*. London: Routledge. 23 p.
- Gailienė D. (2018) Why Are Suicides So Widespread in Catholic Lithuania? // *Religions*. No. 9. 71 p.
- Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.
- Lietuvių tautininkų sąjunga (1934) Kaunas: Vilties. 64 p.
- Puzinas J. (1977) Dr. Jonas Basanavičius– Founder of AUSRA // *Lituanus*. Vol. 23. No. 3.
- Strods H. (1996) *Latvijas nacionālo partizānu kars, 1944–1956*. Rīga: Preses Latviešu val. 573 p.
- Zinkevičius Z. (1987) *Lietuvių kalbos istorija*. Vilnius: Mokslas. 189 p.

REFERENCES

- Anderson B. (1991) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. 224 p.
- Baronas D. (2010) *Pilėnair Margiris: istorija ir legenda*. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla. 633 p.
- Basanavičius J. (1883a) Osenowės Lietuwos piles. *Auszra*. no. 1, pp. 15–18.
- Basanavičius J. (1883b) Osenowės Lietuwos piles. *Auszra*. no. 3, pp. 60–64.
- Basanavičius J. (1883c) Osenowės Lietuwos piles. *Auszra*. no. 4, pp. 97–102.
- Beresnevičius G. (2004) *Lietuvių religija ir mitologija: sisteminė studija*. Vilnius: Tyto alba. 291 p.
- Conversi D. (2002) *Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connors Work*. London: Routledge. 23 p.
- Ejdintas A. et al (2013) *Istoriya Litvy History of Lithuania*. Vilnius: Eugrimas. 318 p.
- Gailienė D. (2018) Why Are Suicides So Widespread in Catholic Lithuania? *Religions*. no. 9, 71 p.
- Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.
- Istoriya Litovskoj SSR: s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of the Lithuanian SSR: From Ancient Times to Our Days] (1978) Ed(s): Vaitkyavichyus B. Vil'nyus: Mokslas. 708 p.
- Kapeller A. (2000) *Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad* [Russia – Multinational Empire. Emergence, History, Decay]. Moscow: Progress-Tradiciya. 344 p.
- Lietuvių tautininkų sąjunga* (1934) Kaunas: Vilties. 64 p.
- Miller A.I. (2008) *Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 246 p.
- Puzinas J. (1977) Dr. Jonas Basanavičius – Founder of AUSRA. *Lituanus*. vol. 23, no. 3.
- Pocys M. (2009) *Obratnaya storona luny: bor'ba litovskih partizan protiv sotrudnichestva v 1944–1953 gg.* [The Other Side of the Moon: The Struggle of Lithuanian Partisans against Cooperation in 1944–1953]. Vil'nyus: Izdatel'stvo LII. 426 p.
- Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (2006) Nacional'naya istoriya i nacionalizm [National History and Nationalism]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya "Istoriya Rossii"*. no. 2, pp. 18–30.
- Strods H. (1996) *Latvijas nacionālo partizānu kars, 1944–1956*. Rīga: Preses Latviešu val. 573 p.
- Zinkevičius Z. (1987) *Lietuvių kalbos istorija*. Vilnius: Mokslas. 189 p.

Информация об авторе

Килимник Евгений Витальевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Адрес: 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66. E-mail: kilimnik_06@mail.ru

About the author

Evgeniy V. Kilimnik, Doctor of Sciences (Arts), Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Address: 620057, Yekaterinburg, Korepina St., 66. E-mail: kilimnik_06@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 07.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 23.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 12.04.2023